
Э. Э. ШУЛЬЦ

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Статья посвящена комплексу проблем, связанных с определением больших социальных групп, наиболее активно участвующих в революциях и последующих политических противостояниях. Есть ли «главный класс» у революции и существует ли вообще социальная линия раздела в период революций по классовому признаку? Насколько широко представлены в революциях различные социальные страты? Существуют ли закономерности в этих вопросах, зависят ли они от типа революции? Имеет ли к этому отношение деление на буржуазные и пролетарские революции?

Автор показывает, что вопросы такого рода не могут быть решены безотносительно к конкретной исторической ситуации.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, социальная группа, класс.

Поиски социальной базы революции – одна из самых сложных и многомерных задач. Во-первых, что считать движущей силой? Организаторов, основную массу протестующих или тех, кто представлял эти массы в политическом процессе? Во-вторых, сложно определить границы тех или иных социальных групп и классов.

К. Маркс считал, что все развитие истории определяла борьба классов, и оценивал революции с точки зрения того, интересы какого класса эта революция реализовывала. М. Вебер придерживался близких к Марксу позиций. «Лишь одно не подлежит сомнению, – писал он, – при оценке любых общественных отношений, независимо от их характера и структуры, необходимо установить, какому типу людей они дают в процессе внешнего или внутреннего отбора (мотивов) оптимальные шансы на господство» (Вебер 1990: 576).

Подход *cui bono?* (кому на пользу?) в определении «главного класса» революции остается весьма спорным (см., например: Французская... 2002: 102). Кто выиграл от революций в России, Китае и Вьетнаме? Считать ли выгодными революции для крестьянства, если оно в результате получило землю? А если получило, но затем

потеряло? В революциях неверно искать, кому выгодно, а затем разыскивать капиталистический (или иной другой) элемент, который стал организатором и главной движущей силой. Революция – это не судебное разбирательство или преступление и не детально запрограммированный процесс. Следует добавить, что сложности проявляются и с определением, кого относить к буржуазии, которая, согласно марксистскому подходу, должна быть движущей силой так называемых буржуазных революций. В понятие «буржуазия» как прежде, так и теперь вкладывают разные значения (Французская... 2002; Cobban 1999).

Л. Эдвардс первым основным симптомом революции называл «смещение лояльности интеллектуалов»: «Авторы, издатели, преподаватели университетов, художники, учителя, священники, проповедники и все те, чьей функцией является формирование и направление общественного мнения, заражаются недовольством репрессированного класса» (Эдвардс 2005: 111). Другой теоретик революций, К. Бринтон, писал: «Массы не делают революций. Они могут быть завербованы для эффектных представлений, когда активное меньшинство уже победило в революции». Победа достигается «небольшими, дисциплинированными, принципиальными, фанатичными организациями» (Brinton 1965: 162).

Ш. Эйзенштадт (1999: 246) специально останавливался на социальном составе революций, выделяя: 1) разнообразные группы из крупных и средних землевладельцев и городских слоев, эволюционировавшие в направлении капиталистической рыночной экономики; 2) разнородные группы крестьянства (в США – фермеры), которые оказывались в двойственной ситуации: с одной стороны, угрожавшей утратой их положения под воздействием новых экономических сил, а с другой – открывавшей возможности получить доступ к новым рынкам или контролю над ними; 3) традиционные городские группы и зародыш нового городского пролетариата; 4) новые интеллектуальные и религиозные секты, группы и движения; 5) институциональные организаторы, более разносторонние по характеру своей деятельности, особенно новые политические элиты. Эйзенштадт особо подчеркивал, что «ведущую роль во всех этих революциях играла независимая интеллигенция» (Там же: 31).

Э. Хобсбаум, разбирая «век революций», делал вывод, что революционные движения в 1830–1848 годах, «как и прежде, в большинстве своем состояли из представителей среднего класса и интеллигенции, часто находившихся в ссылке или ограниченных

узкими литературными кругами» (Хобсбаум 1999: 180). Р. Дарендорф выделял 1914–1945 годы как период «Второй Тридцатилетней войны» (Дарендорф 2002а: 46) и считал, что именно интеллектуалы сыграли важную роль в этот период катаклизмов (Там же: 104).

С. Хантингтон называл город центром оппозиции внутри страны, где средний класс – средоточие этой оппозиции, а интеллигенция – самая активная оппозиционная группа внутри среднего класса. Самые сплоченные и эффективные революционеры в составе интеллигенции – студенты. «Это, разумеется, отнюдь не означает, что большинству студентов, как и большей части населения в целом, не свойственна политическая апатия. Но это означает, что группы активистов, доминирующие в студенческих организациях большинства модернизирующихся стран, выступают против режима. Именно здесь, в университете, существует самая последовательная, радикальная и непреклонная оппозиция правительству» (Хантингтон 2004: 293). Крестьянство может играть «либо очень консервативную роль, либо очень революционную» (Там же: 295). «Ленин, – отмечал Хантингтон, – мыслил по большей части в терминах интеллигенции и рабочих; Мао показал, что ленинская теория политического развития столь же применима к коалиции интеллектуалов и крестьян» (Там же: 337).

Главным выводом учения К. Маркса В. И. Ленин называл учение о классовой борьбе (Ленин 1973б; 1969б). С этим согласны и современные исследователи, ставя в заслугу Марксу-социологу завершённую теорию классового конфликта (Дарендорф 2002б: 385).

Сам Маркс признавал, что ему не принадлежит заслуга открытия классов и борьбы между ними в современном обществе. «Буржуазные историки задолго до меня, – писал он, – изложили историческое развитие этой борьбы классов, буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов» (Маркс 1962: 424). Разработку темы классов в революции и имущественных отношений в основе борьбы этих классов начали самые первые историки Великой французской революции (см.: Жорес 1977; Волгин 1948; Семенов 2006). Однако теория классового конфликта в завершённом виде принадлежит именно К. Марксу. Сам он своей заслугой считал утверждения: «1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата;

3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (Маркс 1962: 427).

П. Сорокин не соглашался с классовым подходом в определении состава революций. Индивид принадлежит не к одной группе, а сразу ко многим, в том числе «не совпадающим и друг друга не покрывающим» (Сорокин 2005: 211). Состав членов каждой из этих групп с течением времени меняется: «...одни индивиды выбывают из состава членов данной группы и переходят в другую (из одной партии, семьи, религии, имущественного слоя, профессии и т. д. – в другую партию, семью, церковь, профессию). Это значит, что в любом агрегате происходит циркуляция индивидов из группы в группу, перемещение их в системе социальных координат, изменение состава членов каждой “ткани”, или “органа” социального агрегата» (Там же: 212).

Упомянутый выше израильский социолог Ш. Эйзенштадт определял проблему следующим образом: «При создании коллективов, институтов и макросоциальных порядков эта неопределенность проявляется прежде всего в том, что цели и потребности каждой из групп никогда не бывают заранее данными. Специфическое содержание подобных потребностей устанавливается в каждом конкретном случае. Более того, в каждой группе могут возникать различные мнения относительно содержания той или иной потребности. К тому же различные потребности каждой подгруппы никогда не бывают полностью совместимыми; следовательно, внутри самих коллективов существуют напряженность и противоречия. Такая напряженность складывается вокруг оценки относительного значения различных потребностей всего общества и его отдельных групп; их соотношения с частными целями индивидов, составляющими ту или иную подгруппу; распределения ресурсов, необходимых для удовлетворения как индивидуальных, так и групповых потребностей, и доступа к этим ресурсам» (Эйзенштадт 1999: 59).

Классовый подход к революциям вызывал множество нестыковок и оговорок со стороны революционеров-практиков XX века. Китайскую революцию сделали интеллигенция и крестьянство (как основной класс страны), вместе с тем со второй половины 1948 года в документах КПК все чаще упоминался рабочий класс в качестве руководящей силы Китайской революции (Симоновская, Юрьев 1974). Это был вопрос идеологии, так же как и в Русской революции. Кубинская революция, для которой такие идеологиче-

ские штампы не имели столь определяющего значения, оставила более объективные суждения. Социальной базой Кубинской революции ее лидеры считали интеллигенцию, студенчество, крестьянство, мелкую буржуазию, рабочий класс (Кастро 1986; Лаврецкий 1973). Э. Че Гевара утверждал, что «в любой революции всегда участвуют группы людей, принадлежащих к самым различным течениям, которые, однако, совпадают в своих действиях и в непосредственных целях, к которым они стремятся» (Че Гевара 2006: 134).

Вопрос классового подхода вызывает столько споров и не имеет решения, потому что в истории революций это по большей части вопрос идеологии. Классовая борьба, коммунизм и т. д. – умело разыгранные лозунги в политической борьбе. Это не значит, что в них не верили их проповедники, как раз наоборот – именно вера и сила убеждения, а не правомочность этих понятий повели за ними массы. Основная задача революционных партий начала XX века заключалась в том, чтобы заставить рабочих идентифицировать себя с классом пролетариата, у которого единые требования, который является самым главным классом и принесет мир, справедливость и земной рай, чтобы внедрить эту мессианскую идею в большую социальную группу, представляющую наиболее благодатную почву для революционной идеологии с точки зрения количественного потенциала.

Если же отвлечься от идеологических штампов, то выяснится, что социальная база революций представляет более сложную структуру. Нидерландская буржуазная революция (1566–1609) началась как иконоборческое восстание на западе Фландрии, а ее основной вопрос был в свободе вероисповедания. Поскольку эта революция имела ярко выраженные национально-освободительные черты, то и ее социальный состав представлял все социальные страты общества. Такая же особенность присуща Американской революции и всем национально-освободительным революциям XIX–XX веков. Разнообразие участия социальных страт в революции наглядно демонстрирует и Мексиканская революция 1910–1920 годов, где на севере против центрального правительства выступили индейцы, работники горняцких поселков и скотоводческих ферм, жители приграничной с США территории, а на юге шла настоящая крестьянская война (Паркс 1949).

Во Франции социальная структура общества перед революцией 1789 года определялась следующим образом: духовенство, знать

и третье сословие, где из приблизительно 23 млн. жителей 100 тыс. относилось к духовенству, 400 тыс. – к знати, а остальные – к третьему сословию (Lefebvre 1947). Если взять соотношение участников революции, то оно приблизительно напоминает пропорцию социальных слоев предреволюционной Франции. Подобное соотношение наблюдается в каждой революции.

Это касается и «пролетарских революций» XX века, среди которых Русская революция характерна наибольшей долей рабочего класса. Социальную базу Русской революции мы рассмотрели в другой работе (Шульц 2014), так что здесь подчеркнем лишь, что самые оптимистические подсчеты дают 4–4,5 млн. человек (Рейман 1994: 198) на 171-миллионную империю (с Финляндией и Польшей) (Статистический... 1914: 58, 77, 87), а В. И. Ленин в борьбе с царизмом отдельно рассчитывал на «инонациональное», т. е. «нерусское население» и национальные окраины империи, которые составляли, по его подсчетам, более 50 % населения (Ленин 1973а: 356).

Вторая половина 1917 года в России принесла существенные изменения как в социально-психологическом климате в стране, так и в планах большевиков. «Теперь, – писал Ленин в июне 1917 года, – под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...» (Он же 1969а: 256). То есть большевики стали аккумулировать широкий социальный протест, который был связан не с классовым сознанием и классовым представительством, а с желанием покончить с войной и прекратить лишения. Теперь Ленин стал рассчитывать на армию, которая больше не желала воевать, а не просто на рабочий класс (Он же 1969в). Следует признать, что возрастной, гендерный и национальный факторы сыграли значительно бóльшую роль в Русской революции, чем классовый.

Еще Ф. Энгельс в работе «Быстрые успехи коммунизма в Германии» отмечал, что социализм быстро стал популярен в этой стране, социалистическая партия выросла в течение очень короткого срока, и все это благодаря среднему классу, который явился основой социалистического движения. «До сих пор нашу силу составлял средний класс, – факт, который, может быть, удивит английского читателя, если он не знает, что этот класс в Германии значительно менее своекорыстен, пристрастен и туп, чем в Англии, по той простой причине, что он менее богат. Однако мы надеемся

в скором времени найти опору в рабочем классе, который всегда и повсюду должен являться силой и оплотом социалистической партии и который уже пробужден от своего летаргического сна нуждой, угнетением и безработицей, а также волнениями в промышленных округах Силезии и Богемии» (Энгельс 1955: 519).

Таким образом, уже с точки зрения классиков марксизма и исторических реалий одной из самых «пролетарских» стран Европы, с самым сильным социал-демократическим движением, рабочий класс, конечно, необходим, но и средний класс вполне способен оказать поддержку социалистической партии и сделать ее одной из самых влиятельных в стране. Сходное положение возникло в России через несколько десятков лет: в условиях резкого обострения всех социальных противоречий революционная идея обрела в России прочную социальную базу главным образом в рядах радикально настроенной демократической интеллигенции (Тютюкин, Шелохаев 1996). «Осенью 1905 года, воспользовавшись падением авторитета самодержавия из-за поражений в войне с Японией, оппозиционная интеллигенция решила предпринять атаку на правительство» (Нефедов 2008: 49). Аналогичная ситуация возникла в конце 1916 – начале 1917 года, и Февральская революция стала результатом новой «атаки интеллигенции» на самодержавие. Ленин всегда сопротивлялся утверждениям, что интеллигенция представляла главную силу революционного движения, но вынужден был соглашаться, что в партии действительно очень мало рабочих и в этом направлении необходимо вести пропагандистскую работу (Ленин 1967).

Тщательный анализ показывает, что активное ядро подавляющего большинства радикальных массовых протестов составляют молодежь и образованные слои общества, относящиеся к социальным категориям «интеллигенция» и «средний класс» (Шульц 2014: 336). «Профессиональные революционеры» в подавляющем своем большинстве были выходцами из интеллигенции и средних слоев. Эти же слои с большой долей молодежи (часто – студентами) становятся и активными участниками протестных выступлений. Это касается и молодых офицеров, принадлежащих к среднему классу, и представителей интеллигенции, ставших организаторами и движущей силой некоторых революций (в первую очередь это революции в Египте 1952 года, Ираке 1958 года и Ливии 1969 года). Организаторы и представители всегда, за крайне редкими исключениями, являются выходцами из более образованных слоев (и со-

ответственно с более высоким имущественным статусом, нежели основная масса населения страны). Парламенты в их естественном состоянии (если речь не идет об имитации) наполняют в массе своей представители интеллигенции, среднего класса и имущие слои населения.

Крестьянство и рабочий класс (в широком понимании) представляют наиболее крупные социальные группы в странах, где происходили революции. В силу этого именно эти две группы (классы) превалируют над остальными во многих революциях. Кроме того, крестьянство с количественной точки зрения было основой всех революций, сопровождавшихся гражданской войной (кроме Английской и Мэйдзи исин).

Как отмечали исследователи революций, степень революционности жителей городов и деревень отличается: «...городское население, как правило, более революционно, чем деревенское. Город чаще треплется лихорадкой революции, чем деревня. Первый начинает революцию, вторая – в конце концов, обычно “обуздывает” ее» (Сорокин 2005: 392). Крестьянство действительно более консервативно и менее подвижно в сторону бунта, но готово воевать за идею, что ярко проявилось в крестьянских и религиозных войнах XVI–XVII веков и в выступлении Вандеи против Парижа. Однако более очевидные и массовые примеры причин крестьянского бунта – это участие крестьянства почти во всех революциях с лозунгом получения земли.

В истории революций наблюдаются два идентичных явления: в Великой французской и в Русской революции перевес обеспечило крестьянство, которое начало выступать против возвращающихся помещиков и отбора ими полученной во время революции земли.

М. Блок писал о Французской революции: чтобы привлечь на свою сторону крестьян, революционные правительства осуществили раздел помещичьей земли (Блок 1957); революция освободила крестьян от сеньориальных повинностей, она «дала многим беднякам возможность обзавестись столь страстно желанной землей» (Там же: 310).

П. Сорокин справедливо отметил, что французские «крестьяне, освободившись от повинностей и увеличив свои земли – становятся равнодушными к революции; когда же она начинает ущемлять их бесконечными поборами и реквизициями – становятся врагами революционного правительства» (Сорокин 2005: 390). На просчеты политики монтаньяров по отношению к деревне, что сказалось на

повороте крестьянства против революции, указывал в специальном исследовании и Ж. Лефевр (1936). Русская революция тоже произошла в столице, и крестьянство оставалось индифферентным к революции, пока большевики не стали насильственно отнимать у них продовольствие. Этот период: лето 1918 – осень 1919 года – стал временем пика Гражданской войны. Однако возвращение помещиков и их претензии на собственность земли, как и во Французской революции, заставили крестьян повернуть штыки за революцию и землю, что в конце концов обеспечило большевикам победу в Гражданской войне.

Сложно спорить с утверждением, что важнейшей силой Великой французской революции было крестьянство (Манфред 1973) или что во Французской и Русской революциях основной повстанческой силой было крестьянство, которое и свергло старый режим (Skocpol 1979), однако эти утверждения требуют дополнительных уточнений. Во-первых, необходимо разделять революцию на этапы. Крестьянство не играло роли в смене власти в столице, оно сыграло роль в последовавшей затем гражданской войне, где каждой из сторон необходимо было рекрутировать армию и добиваться, чтобы армия противника имела как можно меньше поддержки. Во-вторых, крестьянство было количественно самым большим классом, поэтому, также количественно, естественно превосходило остальные социальные группы в революционных войнах. В-третьих, как, на наш взгляд, верно вслед за Лефевром отметил Ф. Фюре, Французская революция состояла из разных революций, в которых крестьянская была достаточно автономным явлением (Furet 1981). Революция в России также состояла из множества бунтов, где у разных социальных групп могли быть различные причины для выражения своего протеста, а крестьянский бунт наиболее ярко проявился в «движении зеленых».

Э. Малефакис по поводу гражданской войны в Испании заметил, что левые традиционно получали поддержку прежде всего в городских средних классах и среди интеллектуалов, основные проблемы которых связаны с удалением препятствий в политической и культурной свободе, а не в аграрных реформах (Malefakis 1970). В европейских революциях вообще часто происходит противостояние левых у власти и крестьянского населения. Так, один из представителей якобинцев – Ж.-Р. Эбер – «предлагал направить в деревню для преодоления продовольственной нужды революционную армию “с гильотиной впереди”». Этим путем он рекомендовал

пресечь “жадность сельских жителей”, которых он называл “испорченными детьми революции”» (Манфред 1983: 180). Большевики реализовали ту же идею, объявив о раздаче земли (как в ВФР, что привлекло крестьянство), а затем введя продразверстку, оттолкнув последним крестьянство от революции. В революциях Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Ближнего Востока картина совершенно иная. Как отмечают исследователи, страны третьего мира имели два варианта в XX веке: земельная реформа сверху или крестьянская революция снизу – правительство и революционные лидеры конкурировали за поддержку крестьянства, так как тот, кто управляет здесь сельской местностью, управляет страной (Rahnema, Behdad 1996).

Решающая роль города и городских жителей – принципиальное отличие революций от крестьянских войн, где первые стали успешными, а вторые всегда терпели поражения. Однако уже в классических революциях крестьянство выступало большой и грозной силой, а революциям Латинской Америки и Азии удалось сделать из него основную силу.

Крестьянство могло остаться пассивным (пример – Английская революция), выступать на стороне революции (многие национально-освободительные революции, революции 1854–1867 и 1910–1920 годов в Мексике, Китайская, Кубинская, Вьетнамская революции и др.), против нее (гражданская война 1979–1988 годов в Никарагуа после Сандинистской революции), разделившись в борьбе за противоположные стороны и меняя свое отношение в процессе гражданской войны (классические примеры – Великая французская и Русская революции). Социальные особенности революций XX века даже привели к характеристике его как века «крестьянских революций», к которым относят события в России 1905–1907 годов, революции в Мексике, Китае, на Кубе, во Вьетнаме и др. (Malefakis 1970). Крестьянская война в период Мексиканской революции 1910–1920-х годов демонстрирует своеобразный переходный вариант между обычной крестьянской войной и крестьянской армией как основной боевой силой революции в Китае 1920–1940-х годов, на Кубе и во Вьетнаме. Крестьяне освободительной армии Юга Эмилиано Сапаты «жгли асиенды, убивали управляющих, а земли делили между пеоны. Они никогда не были настоящей армией, ибо занимались запашкой вновь завоеванных земель и сбором с них урожая и брались за оружие только для того, чтобы отразить вторжение врагов» (Паркс 1949: 299–300). В Китае,

на Кубе и во Вьетнаме эта сила имела другую идеологию и четкую политическую направленность.

Итак, революция – это сложный и многомерный социально-политический феномен, который нельзя относить к движению только народа или только элит или приписывать какому-то одному классу. С количественной точки зрения и с позиции решаемых задач революции осуществляет так называемое третье сословие. Это все группы населения, кроме привилегированных (дворянства и духовенства), т. е. городские жители (и буржуазия, и рабочие, и служащие, и наемные работники в сфере услуг и т. д.) и крестьянство. Крестьянство выступило существенной силой в Великой французской и Русской революциях, а также в ряде других европейских революций. Оно стало социальной основой всех революций вне Европы, сопровождаемых гражданской войной, за очень редкими исключениями (Япония). Крестьянство плохо принимает новые идеи, поэтому его сложно революционизировать идеями; оно чаще борется за землю, и именно поэтому одним из главных вопросов каждой революции, где крестьянское движение становилось частью этой революции, был вопрос о земле. Среди горожан может быть высок процент интеллигенции, среднего класса или рабочих, но в любом случае в связи с большей долей рабочих и крестьян в обществе они всегда будут количественно превосходить другие большие социальные группы. При этом представители привилегированных сословий, интеллигенции и среднего класса могут составлять значительно бóльшие доли в революции в сравнении с долей в обществе.

В революциях в разных пропорциях принимали участие все слои населения. Национально-освободительные революции могли привлекать больше представителей привилегированных сословий в сравнении с другими типами революций, где знатные сословия были в меньшей доле, в том числе ввиду их малочисленности сравнительно с третьим сословием. Во всех базовых революциях их основой были горожане и крестьянство. С ходом истории от участия в революциях в городе откололась большая часть буржуазии, в деревне – зажиточное крестьянство. Революцию продолжали «делать» интеллигенция, студенчество, ремесленники, мелкие собственники и рабочий класс, границы которого были достаточно размыты. Естественно, что «рабочий люд» в количественном соотношении всегда превосходил все остальные в городе, так же как

крестьянство превосходило все остальное население, вместе взятое во всех базовых революциях (первых в стране).

Последующие революции в государстве могли походить в этом на базовые, но, как правило, несли в себе бóльшую элитарность, т. е. реализовывались более образованными слоями общества и с меньшим социальным размахом. Это стало характерной особенностью всех революций, которые совершались быстро и не поднимали волну гражданской войны по всей стране, – как правило, вторые революции в государстве или происходившие с течением времени после подавленного революционного движения. Таковы были революции во Франции 1830 и 1848 годов, 1952 года в Боливии, в Египте 1952 года, Ираке 1958 года, Ливии 1969 года, Апрельская революция 1960 года в Корее, «революция гвоздик» 1974 года в Португалии, «бархатные революции» 1989–1991 годов и др.

Литература

Блок, М. 1957. *Характерные черты французской аграрной истории*. М.: Изд-во ин. лит-ры.

Вебер, М. 1990. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. В: Вебер, М., *Избранные произведения*. М.: Прогресс, с. 547–600.

Волгин, В. П. 1948. Социальное учение Сен-Симона. В: Сен-Симон, *Избр. соч.* Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 5–85.

Дарендорф, Р.
2002а. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. М.: РОССПЭН.

2002б. *Тропы из утопии*. М.: Праксис.

Жорес, Ж. 1977. *Социалистическая история французской революции*. Т. 1, кн. 1. М.: Прогресс.

Кастро, Ф. 1986. Я абсолютно верю в марксизм. Лекция, прочитанная в Народном университете на тему о Единой партии социалистической революции. 1 декабря 1961 года. В: Кастро, Ф., *Избранные произведения. 1952–1986 гг.* М.: Изд-во полит. лит-ры, с. 84–154.

Лаврецкий, И. Р. 1973. *Эрнесто Че Гевара*. 2-е изд. М.: Молодая гвардия.

Ленин, В. И.
1967. Конспект речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 10. М.: Политиздат, с. 388.

- 1969а. Большевизм и «разложение» армии. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 32. М.: Политиздат, с. 255–257.
- 1969б. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, с. 43–93.
- 1969в. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, с. 396.
- 1973а. Статистика и социология. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 30. М.: Политиздат, с. 349–356.
- 1973б. Три источника и три составных части марксизма. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, с. 40–48.
- Лефевр, Ж.** 1936. *Аграрный вопрос в эпоху террора*. Л.: Соцэкгиз.
- Манфред, А. З.**
1973. *История Франции в трех томах*. Т. 2. М.: Наука.
1983. *Великая французская революция*. М.: Наука.
- Маркс, К.** 1962. Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 28. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, с. 422–428.
- Нефедов, С. А.** 2008. Истоки 1905 года: «Революция извне»? *Вопросы истории* 1: 47–60.
- Паркс, Г. Б.** 1949. *История Мексики* / пер. с англ. Ш. А. Богиной. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Рейман, Н.** 1994. Заметки по интерпретации 1917 года. *Отечественная история* 5: 195–204.
- Семенов, Ю. И.** 2006. Франсуа Минье и школа французских историков эпохи Реставрации. В: Минье, Ф., *История Французской революции с 1789 по 1814 гг.* М.: Гос. публичная историческая библиотека России, с. 25–33.
- Симоновская, Л. В., Юрьев, М. Ф. (ред.)** 1974. *История Китая с древнейших времен до наших дней*. М.: Наука.
- Сорокин, П. А.** 2005. *Социология революции*. М.: РОССПЭН.
- Статистический** ежегодник России. 1913 г. Год десятый. СПб.: Изд. ЦСК, 1914.
- Тютюкин, С. В., Шелохаев, В. В.** 1996. *Марксисты и русская революция*. М.: РОССПЭН.
- Французская** революция XVIII в. и буржуазия. Круглый стол. 2002. *Новая и новейшая история* 1: 80–112.
- Хантингтон, С.** 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс.

Хобсбаум, Э. 1999. *Век революции. Европа 1789–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.

Че Гевара, Э. 2006. Заметки к изучению идеологии Кубинской революции. В: Гевара, Э. Че, *Статьи, выступления, письма*. М.: Культурная революция, с. 134–143.

Шульц, Э. Э. 2014. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «История России» 3: 47–61.

Эдвардс, Л. 2005. Естественная история революции. *Социологический журнал* 1: 101–131.

Эйзенштадт, Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

Энгельс, Ф. 1955. Быстрые успехи коммунизма в Германии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, с. 518–531.

Brinton, C. 1965. *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. New York: Vintage Books.

Cobban, A. 1999. *The Social Interpretation of the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Furet, F. 1981. *Interpreting the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Lefebvre, G. 1947. *The Coming of the French Revolution*. New York: Vintage Books.

Malefakis, E. E. 1970. *Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain: Origins of the Civil War*. New Haven; London: Yale University Press.

Rahnema, S., Behdad, S. 1996. *Iran after the Revolution: Crisis of an Islamic State*. N. p.: I. B. Tauris.

Skocpol, T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.